

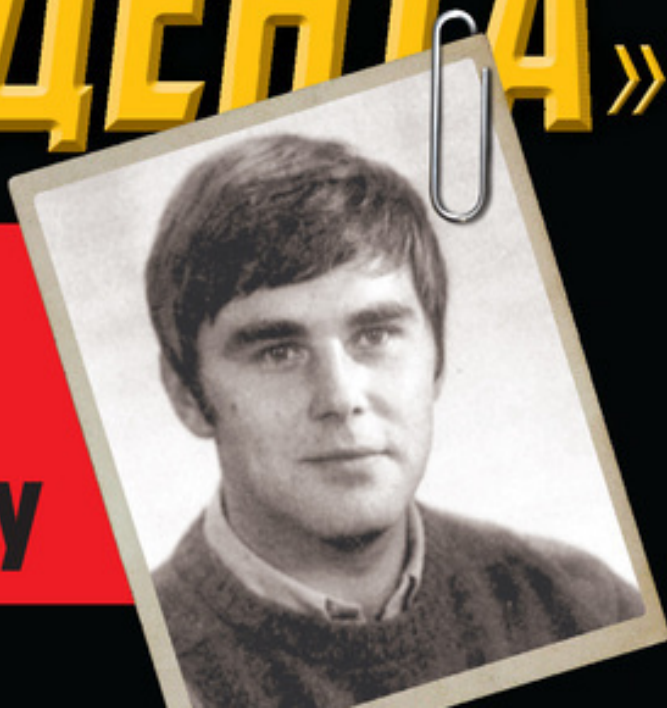

★
**СОВЕТСКИЕ
РАЗВЕДЧИКИ**

В КИНО И В ЖИЗНИ

**ПОДЛИННАЯ
«СУДЬБА
РЕЗИДЕНТА»**

**ДОЛГИЙ
ПУТЬ
НА РОДИНУ**

Советские разведчики в кино и в жизни

Олег Туманов

**Подлинная «судьба резидента».
Долгий путь на Родину**

«Алисторус»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Туманов О. А.

Подлинная «судьба резидента». Долгий путь на Родину /
О. А. Туманов — «Алисторус», 2016 — (Советские разведчики в
кино и в жизни)

ISBN 978-5-906880-51-2

Тетралогия о разведчике Михаиле Тульеве («Ошибка резидента» (1968), «Судьба резидента» (1970), «Возвращение резидента» (1982) и «Конец операции «Резидент»» (1986) стала одним из самых любимых «шпионских сериалов» в СССР. За перипетиями борьбы разведок зрители следили не отрываясь. Мало кто знал, что этот поединок происходил и в действительности, но несколько не так, как на экране. В 1965 году моряк срочной службы Олег Туманов, выполняя задание КГБ, совершил дерзкий побег из Советского Союза. В течение 20 лет он жил и работал в Мюнхене, пройдя путь от корреспондента до старшего редактора русской службы «Радио Свобода». За этот период времени он передал в Москву огромный объем ценной информации, от описания и результатов работы Отдела X (мониторинг переговоров офицеров, дислоцированных в странах Восточной Европы частей и соединений Советской Армии) до подробных деталей деятельности сотрудников американской разведки и контрразведки. В конце концов ЦРУ сумело выйти на след неуловимого «крота», но в 1986 году Олегу Туманову удалось вернуться в Советский Союз.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906880-51-2

© Туманов О. А., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Вместо предисловия. Воспоминания агента государственной безопасности	7
Думы о «Свободе»	13
Часть первая. Детство в «реальном социализме», или «У нас на тебя другие планы ...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Олег Туманов
Подлинная «судьба резидента».
Долгий путь на Родину

© Туманов О., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Вместо предисловия. Воспоминания агента государственной безопасности

В 1960-е годы советские граждане были уверены: НАШИ разведчики распутают и облачат все гнусные планы и замыслы противников нашей Родины.

В этом их убеждал герой первой отечественной «шпионской» киноленты «Подвиг разведчика» (1947 г.) Алексей Федотов (артист Павел Кадочников), похищавший под Ровно гитлеровского генерала.

В 1968 г. на экраны вышел фильм «Ошибка резидента», рассказывавший о вербовке иностранной разведкой полюбившегося отечественным кинозрителям веселого и беззаботного уголовника Бекаса, оказавшегося на поверку советским разведчиком Павлом Синицыным (блестящее исполнение роли Михаилом Ножкиным принесло ему всесоюзную славу).

Имена же и судьбы не вымышленных, литературно – киношных, а подлинных участников и героев этой незримой борьбы всегда остаются неизвестными «широкой общественности».

И мало кто мог тогда себе представить, что именно в это время в баварском Мюнхене разворачивалась разведывательная операция Комитета государственной безопасности СССР, по степени риска и мужеству исполнителя главной роли, вполне сопоставимая с этим захватывающим киносценарием.

И книга, которую вы держите в руках – уникальна.

И уникальность ее в первую очередь, состоит в том, что никогда ранее в нашей стране не издавались воспоминания агента КГБ, более двадцати лет проработавшего на немалой должности в мюнхенском «логове» американской разведки – Радиостанции «Либерти» (Радиостанция «Свобода»).

Уникальна она также и потому, что читателю предоставляется редчайшая возможность попасть на «кухню» иностранной разведки, ощутив тревожное биение пульса времени.

В одном из сообщений в КГБ СССР о ее авторе было сказано следующее: «Если Туманов на самом деле беглый матрос, за которого он себя выдает, то на Западе он получил хорошее образование. Он умен и проницателен. Его следует рассматривать как опасного врага советского государства». С этой «аттестацией» Олегу Александровичу довелось познакомиться в штаб-квартире советской разведки в Германии, до 1994 г. располагавшейся в берлинском пригороде Карлсхорсте. Естественно, в ней недоставало таких личностных характеристик, как: мужественен, смел, находчив, способен идти на оправданный оперативный риск.

А в честности и искренности автора предстоит убедиться каждому, кто прочитает следующие строки: «Я был одним из них – типичный московский парень шестидесятых, ни хуже и не лучше, чем большинство. Я мог отслужить на флоте, вернуться домой, найти подходящую работу и жениться на любимой девушке... Но мной судьба распорядилась иначе. Сейчас, очень скоро, с минуты на минуту мне предстояло расстаться с прошлым и фактически его *предать*... Своим побегом я клал конец всему, чего достиг и добился к своему двадцати одному году. На родине меня назовут трусливым предателем, а военный трибунал, вероятней всего, приговорит к смерти. Всех моих родных допросят в КГБ, а кого-то из них, возможно, ждут трудности на работе или учебе из-за «связи с изменником родине». Вероятно, никто из них никогда не узнает правду об Олеге Туманове...

И как сложится моя новая жизнь на чужбине? Кем я стану однажды, через день, через год или спустя десять лет? Внезапно мне стало очевидно, сколь маловероятны мои шансы попасть туда, где я когда – то смогу в той или иной мере быть полезным КГБ».

Для лучшего понимания исповеди разведчика современному читателю следует напомнить некоторые реалии более чем пятидесятилетней давности.

И пусть его не удивляет поставленное перед агентом задание: осядешь в какой-либо стране на Западе и внедряешься в эмигрантскую среду. Живешь там пару лет обычной жизнью и осваиваешься, обретаешь себе знакомых и присматриваешься. Когда почувствуешь, что интегрировался, напиши письмо родителям, о том, как ты живешь. Через это письмо мы тебя найдем...

В середине 1960-х годов, вследствие принятия новой внешнеполитической доктрины «наведения мостов», Вашингтон дал команду вновь не только активизировать работу по стимулированию побегов граждан из социалистических государств, но и активной работы спецслужб с этими перебежчиками.

Однако, надо полагать, бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес хорошо знал цену этим перебежчикам. За год до побега Туманова в ставшей бестселлером на Западе книге «Искусство разведки» он подчеркивал:

«Мы сами должны определять, когда, где и каким образом мы должны действовать (надо полагать, при поддержке других ведущих стран свободного мира, которые смогут оказать помощь), учитывая при этом требования нашей собственной национальной безопасности... Важную роль должны сыграть разведывательные службы с их особыми методами и средствами. Это нечто новое для нынешнего поколения, тем не менее, весьма важное для успеха дела».

Я не утверждаю, продолжал Даллес, «что все так называемые дезертиры (deзертеры) бежали на Запад по идеологическим мотивам. Некоторые стали на этот путь потому, что их постигла неудача в работе, другие поступили так из опасения, что при очередной перетряске государственного аппарата они могут быть понижены или могут иметь еще худшие неприятности; были и такие, кого привлекли физические соблазны жизни на Западе – как моральные, так и материальные...

Жизнь в коммунистическом мире опротивела им, и они жаждут чего – то лучшего. Вот почему применительно к таким людям я употребляю термин «дезертир» очень осторожно и заранее извиняюсь. Я предпочитаю называть их «добровольцами».

Обращаясь к своим западным коллегам, дипломатам и государственным деятелям, Даллес делился самым сокровенным:

«За железным занавесом имеется много неизвестных нам недовольных людей, которые всерьез думают о побеге из своей страны... Таким людям можно помочь, убедив их в том, что они будут тепло встречены и обретут у нас безопасность и счастливую жизнь. Всякий раз, когда вновь прибывший политический перебежчик, выступая в передаче «Голоса Америки», скажет что он уже находится у нас и что к нему хорошо относятся, другие люди за железным занавесом, которые обдумывают такой же шаг, наберутся решимости и вновь начнут обдумывать, как бы получить назначение за границу...».

От государственных чиновников, которым, по сути дела, и была адресована эта книга, Даллес не считал нужным скрывать, что «часть дезертиров со стороны коммунистов оказывается совсем не тем, за кого их можно принять. Некоторые, например, в течение долгого времени работали за железным занавесом в качестве наших агентов «на месте» и перебежали на Запад лишь после того, как они (или мы) пришли к выводу, что дальше оставаться им в стране стало слишком опасно....

Дезертирство кадрового разведчика противной стороны является, естественно, большой удачей для контрразведки. Ведь с точки зрения количества и содержания полученной при этом информации такой источник равноценен прямому проникновению на какой – либо срок в разведывательные штабы противника. Один такой доброволец – разведчик может буквально парализовать на несколько месяцев работу покинутой им разведслужбы. США всегда будут приветствовать тех, кто не хочет больше работать на Кремль»¹.

¹ Даллес, по его собственным словам, ставил своей целью «рассказать – в той мере, в какой это допустимо, – о деятель-

Упомянутые в книге Олега Туманова Народно-трудовой союз (НТС) и Организация украинских националистов (ОУН) представляли в то время организации², активно сотрудничавшие со спецслужбами государств, где находились их филиалы – отделения – от Бельгии и Голландии до Франции и Германии, Канады. Хотя основным «заказчиком музыки», продюсером и режиссером, безусловно, было Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки. Первоочередной задачей этих организаций являлось выявление советских граждан – от туристов до работников транспортной сферы, заграникомандированных специалистов, дипломатов, участников разного рода международных обменов: студенческих, научных, культурных и спортивных.

Они выполняли функцию некоего невода, забиравшего весь попавший в него улов, тщательно разделяя его в дальнейшем. Занимались они в этой связи, демонстрируя «искреннюю и бескорыстную заботу» о человеке, в силу разных причин, оказавшемся беженцем или перебежчиком, его проверкой и глубоким изучением потенциальной пригодности к использованию в целях «тайной войны». Причем именно они и ощущали себя, и торжественно именовали «бойцами невидимого фронта».

Именно из этого «улова» выбирались и «счастливчики» для обустройства на управляемых ЦРУ радиостанциях «Свободная Европа» и «Свобода» («Радио «Либерти», до мая 1959 г. она именовалась «Освобождение»), а в 1975 г. состоялось их организационное слияние, после чего они выступали уже под единым именем РСЕ/РС.

В изданной в России в 2012 г. книге «Безнадежные войны», бывший руководитель израильской «Натив» Яков Кедми, официально признает, что все эфирное вещание радио «Кол Израэль» («Голос Израиля») проходило предварительный «политконтроль», то есть цензуру, этой, созданной еще в 1952 г., спецслужбы. Причем впервые официально, даже сам факт ее существования, был признан Израилем только... в 2004 году!

Книга Якова Кедми интересна и в том отношении, что в ней он также признает: все, что писали отечественные СМИ о деятельности израильских спецслужб против СССР – полностью соответствует действительности! Именно таковыми и являлись задачи «Натива».

Олег Туманов также позволяет читателям познакомиться с закулисной стороной деятельности РСЕ/РС, ее подлинными целями, задачами, методами и исполнителями. Что объясняет интерес, закономерно возникавший в их отношении со стороны отечественных органов безопасности – и разведки, и «политической контрразведки», как обоснованно именовал 5-е управление КГБ СССР его фактический создатель Филипп Денисович Бобков.

В те годы в «национальных службах» (редакциях) и иных функциональных подразделениях РСЕ/РС были трудоустроены около 1 300 специалистов, около 200 из которых являлись гражданами США, разумеется, занимавшие все ключевые должности в разветвленной структуре радиостанций.

Мне не доводилось встречаться с Олегом Александровичем лично, но, знакомясь с готовящейся к изданию рукописью, я с удивлением узнал, что и далекой от Мюнхена Москве наши жизненные пути неоднократно пересекались. Так, он вспоминает об одной операции, начатой КГБ в Париже против НТС. Должен однако его поправить: на продолжалась не шесть-семь, а целых семнадцать лет! Правда, мне пришлось включиться в нее, когда игра давно уже прошла свой экватор.

ности разведки как жизненно важного элемента в структуре нашего государственного аппарата в переживаемую эпоху». Мы специально, дабы передать «дух эпохи», цитировали перевод книги Даллеса 1964 г., выпущенный издательством «Прогресс» с грифом «Распространяется по особому списку!».

² Об истории их возникновения и деятельности до начала и во время Второй мировой войны подробно см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. Сборник документов в 6 томах. М., 1995 – 2014. Также см.: Кривошеев С.А. КГБ против НТС. М., 2016. НТС фактически прекратил свое существование к 1998 г., однако в начале 1990-х годов еще пытался «легализоваться» в России.

Но и, за двенадцать лет до этого, только начиная службу в контрразведке, мне пришлось работать с материалами, источником которых, с большой долей вероятности, являлся именно Олег Туманов. Исходя из этого, я имею все основания заявлять: это направление деятельности парижского отделения НТС полностью контролировалось московскими чекистами!

Общий объем перехваченной «контрабандно» ввезенной в СССР книжно-пропагандистской продукции составлял примерно два четырехосных железнодорожных вагона! Она нашла свой пламенный конец в «подвалах Лубянки». Однако штаб-квартира НТС получала, как отчеты об «успешно проведенных» ее единомышленниками в нашей стране «акциях», так и гневные письма от возмущенных советских граждан, ставших «свидетелями и объектами гнусных политических провокаций».

Однажды оперативный куратор из Москвы передал Туманову:

– Твои сводки, Олег, попадают прямо на стол членам Политбюро. На их основании партия и руководство государства принимают важные решения о мерах пресечения иностранной пропаганды и идеологической диверсии. С твоей помощью мы узнаем все о планах опасного врага и можем производить превентивные удары. Используя информацию, полученную от тебя, мы смогли скомпрометировать несколько агентов ЦРУ, которые работали против нашей страны. Мы предупредили целый ряд крупных и долгосрочных подрывных операций. Руководство КГБ и СССР просило меня благодарить тебя за это.

Приведем несколько примеров этого.

27 апреля 1973 г. председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов выступил с пространным докладом на Пленуме ЦК КПСС о содержании и тактике разведывательно-подрывной деятельности иностранных государств против СССР. В частности, о стратегических замыслах «психологической войны» он говорил:

– Теперь, особенно в условиях разрядки, наши противники ищут и будут искать иные средства борьбы против социалистических стран, пытаясь вызывать в них «эрозию», негативные процессы, которые бы размягчали, а в конечном счете – ослабляли социалистическое общество.

В этом плане немалые надежды возлагаются империалистическими силами на подрывную деятельность, которую империалистические заправилы осуществляют через свои специальные службы. В одной из секретных инструкций американских спецслужб в этой связи прямо говорится: «В конечном счете мы должны не только проповедывать антисоветизм и антикоммунизм, но и заботиться о конструктивных изменениях в странах социализма. О каких же «конструктивных изменениях» идет речь?

Ответом на этот вопрос может служить заявление сотрудника американской разведки, одного из руководителей «Комитета «Радио свобода». Не так давно в беседе с нашим источником этот человек заявил: «Мы не в состоянии захватить Кремль, но мы можем воспитать людей, которые могут это сделать, и подготовить условия, при которых это станет возможным».

Вообще, говорит он: «Зачем мы изучаем Советский Союз и положение в этой стране? Для чистой науки? Она ни в чем нам не поможет. Одной наукой освободиться от коммунизма невозможно, нужны действия. Значит, за нами должны быть силы, которые в состоянии действовать». Это я цитировал.

Разумеется, товарищи, перед лицом сплоченности советского общества, преданности советских людей идеалам социализма подобные высказывания нельзя воспринимать иначе как бредовые. Но планы такие есть, и не учитывать их нельзя. Империалисты весьма огорчены тем, что у нас в стране нет оппозиции, поэтому различные подрывные и пропагандистские центры на Западе всеми способами стараются ее создать.

Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки разработало даже специальный план в этом направлении. На первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание

из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в «организацию сопротивления», то есть в действующую оппозицию...».

Но многие из этих планов становились известными на Лубянке, поскольку РСЕ/РС, и ее «русская служба» (редакция), были призваны осуществлять их *информационно – пропагандистское обеспечение* в соответствии с замыслами руководителей «психологической войны».

В спецсообщении председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС N 1455—А от 30 июля 1979 г. «О враждебной деятельности противника в связи с Олимпиадой – 80» отмечалось:

«...Спецслужбы США, правая реакция Запада не прекращают кампанию за аккредитацию на Олимпиаде—80 представителей подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». В последнее время США предприняли ряд шагов по втягиванию НАТО в финансирование деятельности указанных антисоветских центров. На совещании руководства радиостанций в Мюнхене председатель Совета по международному радиовещанию Гроноуски заявил, что ему удалось заручиться согласием ответственных работников аппарата НАТО обратиться с соответствующей просьбой к правительствам стран – участниц блока об оказании содействия в аккредитации корреспондентов «Свободы» и «Свободной Европы» на Московской Олимпиаде...».

Благодаря самоотверженной деятельности советского разведчика были раскрыты и многие иные тайные замыслы против нашей страны, о чем читатель узнает далее из первых уст. Но...

Но успешно развивавшуюся операцию КГБ пришлось внезапно прервать, о причинах чего расскажет читателям сам Олег Туманов.

Гражданин своей Родины, пожертвовавший во имя нее своим будущим, карьерой и личной жизнью. Для того, чтобы предупредить: – Люди! Будьте бдительны!

Читатель имеет право задаться вопросом и о судьбе антигероя данного повествования – Радиостанции «Свобода». В рукописи, законченной в 1993 году, автор с непониманием и горечью писал о том, что, по – видимому, нас победили в «тайной войне»: – бюро радиостанции РСЕ/РС уже открыто в Москве.

Такая возможность ей была предоставлена Указом президента России от 27 августа 1991 г. А в 1995 г. руководимое из Вашингтона и Праги (номинальная штаб – квартира РСЕ/РС с 1 сентября 1995 г. передислоцировалась в столицу Чехии из Мюнхена) и финансируемое правительством США «Радио «Свобода» было зарегистрировано Государственным комитетом по печати Российской Федерации как средство массовой информации.

В специальном послании по случаю сорокалетия начала вещания «Радио «Либерти» на СССР, 1 марта 1993 г. президент Б.Н. Ельцин подчеркивал:

– Трудно переоценить значение вашего вклада в уничтожение тоталитарного режима в бывшем СССР. Но не менее важны ваши усилия сейчас в деле информирования русских слушателей о событиях в нашей стране и во всем мире.

Через три года вещание РС началось из Москвы, причем еще в 30 регионах ее программы ретранслировались через спутниковую связь местными радиостанциями. Наиболее крупным ретранслятором программ РС стало «Радио-1», принадлежавшее М.С. Горбачеву (ретрансляции прекращены 21 июня 2010 г.).

10 ноября 2012 г. «Радиостанция «Либерти» полностью прекратила эфирное вещание на территории нашей страны. В настоящее время «Русская служба» РСЕ/РС ведет свои передачи на часть регионов России через передатчики, расположенные в США, Великобритании, Германии, Греции и других странах.

В интервью Digital.Report в январе 2016 г. Том Дайн, бывший президент РСЕ/РС, заявил, что следуя общей тенденции, сегодня радиостанция все более переходит в сферу Интернет – вещания, сокращая время эфирных передач. Но стоящие перед ней задачи остаются преж-

ними, поставленными в 1973 г., когда из «предприятия ЦРУ» РСЕ/РС преобразовались в «независимое общественное СМИ».

В настоящее время РСЕ/РС работает в 23 странах на 28 языках, причем 6 из ее языковых редакций вещают на аудиторию внутри России. Изменилось и отношение западных СМИ к ее информационному «продукту» – на него стали чаще ссылаться и цитировать, чего не было даже в разгар «холодной войны».

По мнению Дайна, США не уделяют должного внимания «мягкой силе» (форме психологической войны – И.Х.), способствующей продвижению ценностей и смыслов, которые были бы понятны населению других стран. Тем не менее, Конгресс США, который финансирует РСЕ/РС, выделяет для нее больше средств, чем когда – либо: 94 миллиона долларов в 2015 году, 106 миллионов в 2016, и выделение 120 миллионов запланировано на 2017 финансовый год.

– Спрашиваете – зачем? – пояснял Том Дайн, – Ответ – Путин! Он отличный фандрейзер. Так или иначе, необходимость расширения РСЕ/РС сегодня очень велика, поскольку уровень страха перед Россией в странах Восточной Европы и Прибалтике очень высок³.

Игорь Хлебников, ветеран КГБ СССР

³ <http://digital.report/tom-dine-digital-propaganda>. (Дата обращения 7.01.2016).

Думы о «Свободе»

Книга Олега Александровича Туманова, прошедшего удивительный и достойный восхитения путь, отличается точным подбором фактов, высоким уровнем грамотности и эмоциональной насыщенности. В ней прослеживается становление мировоззрения совсем еще молодого советского человека, посвятившего себя служению Родине, и исключительно грамотно внедренного спецслужбами в святая святых западной пропаганды – Радио Свободная Европа/ Радио Свобода (РСЕ/РС), в то время структурное подразделение ЦРУ США. Благодаря природной смекалке, железной воле, блестящей интеллектуальной подготовке, советский разведчик под руководством опытных наставников-нелегалов совершил уникальный для подобных ситуаций путь от рядового сотрудника до руководителя структурного звена РСЕ/РС – главного редактора русской службы Радио Свобода. Он выполнил перед страной долг истинного патриота, и в 1986 году с чистой совестью вернулся на Родину.

Я был в числе первых четырех московских корреспондентов русской службы Радио Свобода, которые из своего жилища передавали материалы в штаб-квартиру РСЕ/РС в Мюнхене в 1988–1991 гг. вплоть до образования в августе 1991 года московского бюро русской службы и переходу на официальное вещание. Моя миссия на радиостанции завершилась в феврале 2011 года в качестве специального корреспондента, ведущего программ и первого (и последнего) председателя профсоюзной организации российских работников Радио Свобода, на создание которой у меня ушло почти два года.

Западные радиоголоса вызывали у меня большой интерес с юношеских времен; первой публичной лекцией, которую я прочитал в 1979 году во время срочной службы перед личным составом батальона, называлась «Антенны направлены на Восток», и была посвящена подрывной идеологической деятельности западных радиостанций в лице «Голоса Америки», «Радио Свобода», «Би-би-си» и «Немецкая волна». Знал ли я, что через десять лет сам окажусь в одном из этих «оплотов реакции и мракобесия»?

Мною руководило стремление стать независимым журналистом, а подходящей площадки для самовыражения в конце восьмидесятых годов прошлого века в Советском Союзе не было. Мои репортажи были посвящены главным образом социально-экономическим проблемам советского, а потом и российского общества, которые и как журналиста, и как ученого-юриста, и как писателя волновали и продолжают меня волновать по сей день более всего, так как от их решения зависит спокойствие в государстве. В программе «Лицом к лицу. Лидер отвечает журналистам», которую я координировал и вел в 2000–2011 гг., принимали участие видные политики, экономисты, деятели культуры, науки и спорта, а программа «Человек имеет право», ведущим которой я являлся в 2004–2008 гг., была направлена на защиту основополагающих прав и свобод человека и гражданина.

С какого же времени я и многие из тех, кто покинул РС не по своей воле, почувствовали, что больше не вписываемся в новый формат «Свободы»? Это произошло не сразу и не вдруг, а началось в конце девяностых годов, когда к руководству в пражской штаб-квартире и московском бюро пришли люди, далекие от журналистики, зато имеющие за плечами большой опыт политических интриг и сомнительных финансовых операций. Непредвзятый анализ ситуации в стране и мире уступил место огульному охаиванию со стороны заполонивших эфир прозападных псевдожурналистов всего и вся, что связано с происходящими в России событиями, а программы с участием гостей превратились в злобные ток-шоу с одними и теми же квазиэкспертами-русофобами. (Странно, как российская власть до сих пор терпит этот очаг мракобесия в самом центре Москвы.)

Забота об условиях труда сотрудников сменилась банальным отмыванием средств американских налогоплательщиков, выделяемых Конгрессом США на нужды РС (под видом беско-

нечных ремонтов, мифических премий работникам и прочими «проверенными» способами). Московское бюро наводнилось мертвыми душами, связанными с руководством кровными родственными узами, а на работу в пражскую штаб-квартиру стали отправлять откровенных бездарей, восхваляющих американский образ жизни и презирающих русский народ. Возникла спайка американской и российской бюрократии, движимой двумя страстями – неумной любовью к деньгам и лютой ненавистью к России.

Выступления, в том числе и мои, на собраниях с критикой проводимой руководством РС эфирной политики ни к чему не приводи, порядочные квалифицированные журналисты или увольнялись сами, или их выдавливали. Я держался до последнего, и чашу терпения американских работодателей переполнила моя книга «Приключения Петра Макарыча, корреспондента радиорубки американской парфюмерной фабрики «Свобода» (издательство «Серебряные нити», Москва, 2007 г., 382 стр.), одно только название которой повергло руководство в шок, и создание профсоюзной организации российских работников Радио Свобода, которую я пестовал около двух лет и довел дело до заключения коллективного договора между работодателем и трудовым коллективом в лице профсоюза, значительно улучшившим материальное и социальное положение журналистов за счет урезания доходов администрации.

Создание на Радио Свобода впервые за шестьдесят лет его существования профсоюзной организации, да еще в Москве, вызвало широкий отклик. Нашу борьбу поддержали многие журналистские коллективы в России и за рубежом, а перспективные направления профсоюзного движения были мной обозначены в письмах президентам России и США и в интервью «Независимой газете» 28 июля 2009 года, вызвавшие очередную бурю гнева со стороны администрации. К сожалению, коллектив, как это часто бывает, не оценил усилий по его защите, а руководство после всего этого предприняло беспрецедентные меры давления, вынудившие меня покинуть радиостанцию после двадцати двух лет честного труда. С моим уходом развалилась и профсоюзная организация.

Аналогичная ситуация сложилась и в пражской штаб-квартире РСЕ/РС. От журналистов как русской службы, так и других национальных редакций, у которых осталась профессиональная совесть, безжалостно избавляются. Тем не менее, мы не прекращаем борьбу. Я, со своей стороны, веду переписку с Советом управляющих по вопросам вещания ВВГ, курирующим в том числе и РСЕ/РС, общаюсь с российскими коллегами, и 25 марта 2016 года на НТВ вышла в эфир программа «ЧП. Расследование. РАДИО не СВОБОДА» с моими комментариями о безобразиях на радиостанции.

Так что книга Олега Александровича Туманова имеет ярко выраженный современный характер, и призвана раскрыть миру глаза на несвободную «Свободу».

Агамиров Карэн Владимирович⁴

⁴ В 1989–2011 гг. – специальный корреспондент, ведущий программы «Человек имеет право», координатор и ведущий программы «Лицом к лицу. Лидер отвечает журналистам» Московского бюро Радио Свобода. Председатель профсоюзной организации российских работников Радио Свобода.

Часть первая. Детство в «реальном социализме», или «У нас на тебя другие планы ...»

Это произошло однажды в пятницу вечером в Мюнхене, в ноябре 1969 года. Как обычно, я зашел в уютный югославский ресторан в 10 минутах ходьбы от моего дома, чтобы перекусить. Я сел за свой обычный стол, заказал остро приправленный стейк, красного вина и рюмку сливовицы. Сливовый самогон тут был хорош – ароматен и крепок, так что захватывало дух. Его варили по домашнему рецепту, который был предназначен только для завсегдатаев. Хозяйка за стойкой любезно мне улыбалась. Она давно знала молодого русского эмигранта, частенько заживавшего вечерами пропустить одну-две рюмки и внимательно полистать вечерку за чашкой кофе.

Как всегда, здесь было немногочленно. Пожилая баварская супружеская пара в противоположном углу небольшого трактира завершала свой скромный ужин. За столом прямо у входа мужчина с волнистыми волосами, одетый в твидовый пиджак, в скуке опустошал свой бокал пива. Я видел его здесь уже в прошлый раз и вот он опять сидел спиной к окну, погруженный в свои мысли. Но на сей раз, наши взгляды встретились и мне показалось, что я знал этого человека, как и он – меня. Но его мимика осталась бесстрастной, а глаза, которые на минуту вспыхнули, вернулись к пивной пене в его бокале.

Странно, подумал я, мы ведь уже наверняка виделись. Но где?

После того, как мужчина с волнистыми волосами оплатил у официантки свой счет, он встал, собираясь уходить, и в смятении шарил в карманах, чтобы найти спички и прикурить сигарету. Тут он подошел к моему столу и на ломанном немецком языке попросил огонь. Я протянул ему коробок спичек. Когда наши взгляды вновь пересеклись, он едва подмигнул мне и тут я вспомнил этого незнакомца в твидовом пиджаке. Не спеша прикурив, он вернул спички на стол. Но это был не мой коробок, а коробок с рекламой, которую обычно раскладывают на столах в ресторанах и отелях. «Спасибо», – поблагодарил он, повернулся и пошел к двери. Мы никогда не встречались снова.

Я вспомнил, откуда я его знал. Пять-шесть лет тому, будучи еще комсомольцем, я был членом спецотряда, организованного КГБ для борьбы со спекулянтами и фарцовщиками. Этот человек возглавлял отряд, перед которым стояла задача «зачистить» отели от сомнительных лиц, где останавливались иностранные туристы.

Я взял в руку подкинутый мне коробок и стал его разглядывать. На нем красовались обычные названия гостиниц в Западном Берлине с адресами и телефонами, как это принято в рекламе. Но по нижнему краю коробка аккуратно, шариковой ручкой были выведены две даты. Мое сердце билось от волнения. Наконец это случилось. У меня была дата и время долгожданной встречи.

Я быстро рассчитался и пошел домой. Мне необходимо было немного побыть одному, все взвесить и переосмыслить. Моя жизнь явно принимала крутой поворот. С момента, как этот коробок с наклейкой обжигал мой карман, я давно так не волновался. *В этом коробке мог оказаться шнур от заряженной мины, которая напоследок разорвет меня в пух и прах.*

Ровно четыре года я успешно играл беженца из СССР. КГБ поручил мне внедриться в эмигрантскую среду, закрепиться и, приобретя определенный авторитет, попытаться выйти на след между эмигрантскими организациями и спецслужбами. Офицеры КГБ, которые инструктировали меня, прежде всего говорили, что речь идет о необходимости интегрироваться в западный мир, наладить связи и найти работу. Только тогда я должен дать оговоренный сигнал, по которому меня разыщут. В Москве мне объяснили, что, возможно, свяжутся со мной не сразу, и это может вызвать чувство потерянности или будто меня исключили из оператив-

ных списков. Но я не должен паниковать. Со мной обязательно свяжутся, когда понадобится. Я должен запомнить, что первый связной будет знаком. Обо всем остальном я мог не волноваться.

У меня даже не было никаких мыслей. Все эти годы я выполнял приказ, чтобы акклиматизироваться и адаптироваться, так что сейчас я чувствовал себя в Германии как дома.

Мои связи со старыми эмигрантами складывались наилучшим образом. Я поддерживал хорошие отношения с НТС (Народным трудовым союзом, основанным в 1930 году, солидарным с идеей свержения коммунистического режима и построения «независимого российского государства» в СССР). Работал на финансируемой ЦРУ радиостанции «Свободная Европа», где служили русские эмигранты. Пользовался их всеобщим уважением, и мне светила блестящая карьера. Радиостанция безвозмездно предоставила мне обустроенную квартиру в элитной новостройке и платила царскую зарплату, на которую я мог объездить весь мир. Я завел интересные знакомства и полностью приспособился к западному образу жизни.

И тут Москва внезапно напомнила мне, что в первую очередь я был разведчиком, а все остальное было второстепенным. Конечно, это было вопросом совести для парня, которому только исполнилось двадцать пять лет.

Так вот, обо мне вспомнили, посчитав целесообразным активировать в качестве разведчика. Это означало, что мне придется расстаться с размеренной жизнью эмигранта. КГБ выполнил свое слово: спустя четыре года меня нашли в Мюнхене, и первый связник не был для меня незнакомцем. Все как обещали. Но что ждет меня впереди?

Когда я проходил мимо ярко освещенных окон «Радио Свобода» на Арабеллаштрассе, я невольно замедлил свой шаг. Еще сегодня утром я переступал порог этого дома как один из сотен обычных сотрудников радиостанции. Но завтра я войду в это здание как «реактивированный» сотрудник КГБ.

Начиналась жизнь с «двойным лицом».

Обе даты, указанные на спичечном коробке, чередовались следовавшим друг за другом воскресеньям. Утром первого воскресенья я улетел в Берлин. Указанный ресторан на Фридрихштрассе оказался около аэропорта Темпельхоф. Я нашел вблизи недорогой пансион, оставил свою ручную кладь и отправился на прогулку по городу, где еще никогда не был. В обед я вернулся в оговоренный ресторан на Фридрихштрассе.

Он оказался небольшим кафе с типичным для таких заведений меню: жареными сосисками с кислой капустой, гуляшом, гороховым супом, пивом и дешевым шнапсом. Никто ни на кого не обращал внимания. Гости за столами насыщали свой аппетит и быстро перекусив, освобождали место для следующих гостей...

Чтобы как-то скоротать свободное время, я заказал немудреное блюдо, потихоньку потягивал пиво, но никто не подходил к моему столу и не проявлял ко мне интерес. Засиживаться становилось уже неудобно. Поэтому я решил повторить попытку вечером.

По дороге в пансион я остановился у газетного киоска, чтобы осмотреться. Я стал делать вид, что разглядываю журналы, не обнаруживая при этом ничего подозрительного. Если за мной на самом деле вели наблюдение, то делали это очень искусно.

Я купил берлинскую газету и бутылку виски и отправился с этими трофеями в отель. Там я немедленно отхлебнул несколько глотков прямо из горла, чтобы как-то успокоить свои нервы, но это не помогло побороть внутреннее беспокойство.

Как бывает в таких случаях, время будто стояло на месте. Я пробовал читать, включал телевизор, но ничто не снимало мое внутреннее напряжение.

В разведке контакт со связником стоит в списке самых опасных операций. Каждая такая операция связана с двойным риском, так как за каждым участником тайной явки могут следить и это осложняет дело. Мне мало было чего бояться. Американцы «просвечивали» меня очень долго, приостановив слежку три года назад. С тех пор я не замечал за собой никакого

наблюдения, либо интереса к моей персоне со стороны спецслужб. Но как обстояли дела в отношении еще неизвестного мне контактного лица от КГБ? Вообще, существуют ли гарантии на все сто процентов? Вдруг за ним сейчас незаметно следят?

Ровно в семь вечера я опять присел у голого деревянного стола в кафе на Фридрихштрассе. Я заказал ужин и стал разглядывать окружающих. От изумления меня чуть не хватил удар! В дальнем углу, внимательно рассматривая меня, сидел мой друг Сережа. «Друг», пожалуй, неверное слово – он был моим ведущим офицером в КГБ. Он был последним лицом, с которым я имел дело до отъезда на Запад. Тогда он пообещал, что меня отыщут и найдут способ выйти со мной на связь. А сейчас он приехал персонально...

Видимо, я выглядел настолько скованно, что сидя в углу, Сергей не смог скрыть своего удовольствия и улыбки. Он и не сдерживал себя. Поднявшись, он прошел мимо меня в туалет. Я проследовал за ним как под гипнозом. Кроме нас, в туалете никого не было. Мы стояли рядом, и тогда Сергей сказал мне: «Иди за мной на отдалении, но не теряй меня из виду».

Мы пошли вдоль длинной, совершенно пустынной и слабо освещенной улицы. Уголками глаз я проследил, как за мной следом идет просто одетый, на вид пьяный, рабочий. Вероятно, он был напарником Сергея, который страховал нас с тыла. Мы повернули за угол в темную улицу и оказались в полной темноте под козырьком старого дома. Рабочий прошел мимо нас, тихо напевая какую-то песенку. Сергей быстро и крепко обнял меня: «Привет, Олег. Как ты? Выглядишь молодцом!».

В две минуты ему удалось инструктировать меня о нашей следующей встрече: «В январе оформляй неделю отпуска и возвращайся в этот же ресторан. За обедом или ужином увидишь меня. Пойдем вместе в Восточный Берлин». Он вновь вручил мне спичечный коробок с указанными на нем датами нашей следующей встречи и растворился в темноте зимнего вечера. По дороге обратно в пансион меня все так же сопровождал на некотором отдалении «рабочий».

...Мне не составило никакого труда оформить в январе десять дней отпуска. Вторым воскресеньем нового, 1970 года я уложил в портплед удобный костюм, пару рубашек и бритвенный прибор и утренняя рейсом вылетел в аэропорт Темпельхоф. Сергей ожидал меня в полдень. Около полутора часов мы ходили на безопасном друг от друга расстоянии, ездили туда-обратно на метро и сворачивали на кладбище. Наконец, убедившись, что за нами не следят, Сергей направился со мной к метро на Фридрихштрассе, где находился тайный переход границы из Западного в Восточный Берлин. Мы спустились в метро, но Сергей не пошел к толпе людей, ожидавших переход у официальной въездной стойки. Он провел меня в сторону незаметной двери и показал офицеру пограничной службы свое удостоверение. Тот молча пропустил нас через шлюз на территорию ГДР.

Коммунистический Берлин шокировал меня своим запущенным и блеклым видом. Контраст был слишком велик. В мгновение я поменял царство ярко светящихся витрин, жизнерадостных и открытых лиц, шикарных машин и ухоженных фасадов на хмурый мир «реального социализма». Мне казалось, что вчера здесь закончилась война и еще не сняли затемнение.

Мы сели в припаркованный недалеко от вокзала «Фольксваген», и я стал снимать свой эмоциональный накал. Сергей обнял меня за плечи и сказал, что сейчас я могу чувствовать себя, как дома.

Из уверенного поведения Сергея я сделал вывод, что он давно в Берлине. Судя по всему, в данный момент он там жил.

Мы поехали в район Карлсхорст, где располагались военный штаб, военная разведка и представительство КГБ. В трехкомнатной квартире для приемов специальных гостей, вроде меня, был накрыт богатый стол со всеми разносолами, которые может предложить русская кухня. Экономка по имени Зоя, также сотрудник КГБ, которая отвечала за содержание квартиры, сегодня потрудились на совесть. Из кухни доносился приятный аромат крепкого украинского борща. На столе красовалась охлажденная бутылка водки, расписанная ледяной измо-

розыю. Искрами светилась свежая черная икра. На столе – мои любимые горячие сибирские пельмени. Холодец приправлен грузинскими специями. Тут же на столе стояла малосольная селедочка и огурчики, крабы, маринованные грибочки и творожные кушанья. Такого богатого русского стола я давно не видал.

Ужинали мы четвером. Кроме нас двоих, за столом была Зоя и молодой человек по имени Женя из отдела личной безопасности.

Естественно, за ужином о моем истинном задании мы не говорили, хотя Зоя и Женя явно были в курсе, что я приехал «оттуда».

Перед тем, как уходить, Сергей обронил: «Я вернусь завтра в 9 утра. Начнем работать. Тебе придется вспомнить все, что с тобой происходило последние четыре года – отдельно каждый день. Нам важны малейшие детали. Потратим на это два или три дня. Сколько понадобится. А пока отдыхай».

Он ушел, но этим вечером меня овеяло необычное чувство абсолютного уюта и покоя. Это было давно забытое чувство дома, к которому я привык с детства. Внимательно осматриваясь в квартире, я обнаружил все реликты советского быта – ржавые трубы в туалете и ванной комнате, безвкусные обои и старомодную мебель, неровный линолеум на кухне и торчащие доски паркета в комнатах. Но это не тревожило меня, а наоборот вызывало чувство умиротворенности. Я осваивался с окружением и думал о Москве, о моих родителях и так быстро завершившейся юности.

Родился я счастливым. Так, во всяком случае, утверждали в детстве мои родственники. На свет я появился «в рубашке», что по народному поверью сулит счастливое будущее. Узнав, позднее, что это всего лишь значило, что родился я, «одетый» в родовую пелену, я даже несколько разочаровался.

Но на судьбу я на самом деле не мог жаловаться. Во-первых, это уже было наполовину счастьем – родиться почти в центре Москвы рядом с Белорусским вокзалом, провести там детство и не испытать все тяготы послевоенных лет, как большинство сверстников.

Дом, в котором я увидел свет в 1944 году, все еще стоит на Ленинградском проспекте, хотя в нем уже не живет никто из прежних жильцов. Наша квартира, как и большинство остальных, была коммунальной. На самом деле она была спланирована на одну семью, но из-за большой нехватки площади здесь расположилось несколько семей. Наша семья Тумановых (т. е. мои родители, мой старший брат Игорь, бабушка Пелагея и я) проживали в двух комнатах. Симоновы жили в других двух комнатах, поменьше. Совсем бедные Волковы жили впятером в одной комнате. Глава этой семьи, инвалид дядя Степа, был азартным игроком и проводил большую часть времени на ипподроме. Его пускали домой только тогда, когда ему улыбалась удача в игре, и он возвращался домой, не «пропустив через горло» все выигранные деньги. Из-за отсутствия жилой площади мама дяди Степы, бабушка Матрена, спала на коммунальной кухне, где стоял сундук с ее вещами. Она ложилась спать после того, как с кухни уходили последние домохозяйки, и вставала засветло. Бабушка Матрена подрабатывала, занимая рано утром очередь в магазинах, где продавали дефицитные товары. Потом она за вознаграждение уступала свою очередь, естественно, не имея возможности позволить себе ничего из этого дефицита. Кроме сундука со старьем, она ничем не обладала.

Быть может, это звучит немного нереально, но практически никто из наших соседей не стыдился своей бедноты. Кто-то, храпя, спал на полу. Единственным «предметом люкс» был электрический динамик в коридоре, с утра до ночи издающий рев веселых маршей и подбадривающих мелодий. Нам, Тумановым, жилось куда лучше. Мы, например, не готовили еду в скверно пахнущем сале, а на масле или маргарине, которые не всегда могли позволить себе наши соседи. Но мы сами, да и наши соседи не задумывались о нашей скромной жизни, так как попросту другой не знали. Для сравнения у нас просто не было примеров. В Советском Союзе условия жизни считались самыми справедливыми и лучшими на всей планете. Это ежедневно

радостно объявляли по телевизору дикторы, твердили газеты и рассказывали учителя в школе. А тех, кто чуть в этом сомневался, немедленно вызывали в особые органы и «исправляли» многолетними жестокими тюрьмами и лагерями. Когда я родился, те, кто в этом был не уверен, по всей видимости, уже были расстреляны, или отбывали сибирские ссылки, так как никто из них в детстве мне не встречался.

Нам твердили о капиталистическом мире с маленькой группой жадных капиталистов, эксплуатирующих массы, ведущие жалкий, бесправный, несчастный образ жизни. Испытывали к ним настоящую жалость, в первую очередь к неграм, по сведениям наших СМИ, особенно притесненным, те были нашими «классовыми братьями». И когда Москву посетила делегация США с негром в ее составе, тот никак не догадывался, зачем его жалостно разглядывают и пытаются накормить. Ведь он был миллионером.

Понимание не всегда делает человека счастливым и, быть может, это было хорошо, что мы не знали, насколько бедно мы жили.

Во время войны отец служил в НКВД. Не знаю, в какой должности или функции. Об этом дома он не говорил. Могу только предполагать, что служил он в разведке. По неизвестным причинам в 1948 году отец покинул Лубянку и с тех пор возглавлял отделы кадров на различных предприятиях. Мама тоже получала зарплату в разведке в чине подполковника. С виду казалось, будто она работает в призывной комиссии, отвечая за регистрацию призывников. Брат был старше меня на двенадцать лет и учился на геологическом факультете Московского университета, много лет затем самоотверженно проработав на этом поприще.

Я ничем не отличался от других мальчиков мужской школы № 155 близ Дворца спорта «Крылья советов» до инцидента, сделавшего меня известным или даже прославившего меня в девять лет. Дело было так, что я уговорил двух мальчиков навсегда отправиться со мной в Африку.

В феврале 1954 года, избавившись от впредь ненужных нам учебников, дневников и тетрадей и оставив родителям записки: «Не ищите нас – мы уехали навсегда», – втроем мы сели в местную электричку, направлявшуюся на юг. Мой сосед по коммунальной квартире, Сашка Симонов, по какой-то причине отправился в путь в Африку, взяв с собой теплые валенки, всю дорогу крепко пряча их под мышкой. Кстати, наше отчаянное путешествие длилось недолго.

На следующее утро милиция сняла нас с поезда вблизи Калуги и вернула обеспокоенным родителям.

Сашкина мама работала надзирателем бутырской тюрьмы, и ему досталась знатная порция порки. Отчаянные вопли раздавались по всему дому. Мои родители обрадовались возвращению «блудного сына», встретив меня теплыми пирожками, которыми я смог вдоволь наестся.

Прием в школе был менее сердечным. Директриса быстро вычислила, кто был инициатором «преступления», пригрозив исключить меня из школы. С тех пор она меня недолюбливала. «Таких учеников нам не нужно», – приговаривала она, просверливая меня своим холодными глазами.

После того, как мой одноклассник побил сына комментатора «Правды» Виктора Маевского, я попал к ней в окончательную немилость. Дело в том, что этот журналист принадлежал к абсолютной элите партийной номенклатуры и был среди выездных кадров. Соседствуя с властью имущими, его семья ни в чем не нуждалась. Поэтому его сын постоянно приносил с собой на завтрак бутерброды с ветчиной и колбасой, съедая их, естественно, под текущие слюнки и зависть остальных ребят, которые в лучшем случае могли позволить себе пирожок с капустой.

Однажды наш одноклассник избил «буржуя» Женьку, явно будучи не в силах больше видеть его пухлое и самодовольное лицо. По причине чего наша учительница пришла к выводу,

что я виноват в этой потасовке. Неудавшийся побег в Африку навсегда превратил для нее ученика третьего класса Олега Туманова в преступника.

«Знаете, кто папа этого мальчика? – ораторствовала она перед всем классом, при этом пристально глядя на меня. – Его папа жмет руку самому товарищу Сталину! Да, товарищу Сталину! А вы побили этого ребенка. Мы запрячем вас в тюрьму или детскую колонию. Поделом вас всех в Сибирь или на Колыму, за самый Полярный круг!».

Нет, эта женщина никогда не простит мне неразумную прогулку в Африку. Вероятно, она принадлежит к людям, подозрительно смотрящих на каждого человека, выделившегося из серой массы. Такие, как она, стали опорой сталинскому режиму. На следующий год меня перевели в школу, которую я с успехом закончил в 1961 году.

Там я познакомился с моим лучшим другом Толиком Яссявой. Его отец только освободился из тюрьмы, где провел шесть лет как жертва сталинских репрессий, на строительстве Беломорского канала. На самом деле отец Толи не был жертвой репрессий в прямом смысле этого слова, а скорее жертвой обстоятельств. До войны он служил высоким функционером «вождя народов», командуя Службой управления транспорта Сталина, т. е. всеми автомобилями, поездами, кораблями и самолетами вождя. Можно себе представить этого могучего генерала разведки и ожидавшее Толика безоблачное детство.

Но внезапно все изменилось. Однажды отец моего друга здорово выпил с другими высокопоставленными чекистами в ресторане на горе Ачун вблизи Сочи. Он прекрасно управлял любым транспортным средством, за исключением самолета. Сев за руль внедорожника марки «Паккард», спускаясь со всей командой по серпантину с горы, он соскользнул в ущелье. При этом его товарищ «по цеху» разбился насмерть, а другой стал инвалидом. Любимца Сталина, оставшегося целым и невредимым, все же приговорили к трудовому лагерю. Когда диктатор узнал о происшествии, он якобы произнес: «Если Яссява виноват, то его следует наказать». Той же ночью семью генерала выселили из роскошной квартиры в центре Москвы, конфисковав все имущество семьи. Когда я познакомился и подружился с Толиком, его отец только освободился из трудового лагеря, и они жили в такой же квартире, как и мы. Старый чекист скончался в 1956 году.

С детства я любил фотографировать. С фотоаппаратом я не расставался ни в школе, ни дома, и к 15 годам заслужил честь официального классного фотографа. После того, как директор школы позволил оборудовать в туалете на четвертом этаже фотолабораторию, мой статус еще больше повысился. Теперь, будучи учеником, я располагал ключом к собственной комнате. Оформление классных газет давало мне не только внутреннее удовлетворение, но и предоставило преимущества, в которых я очень быстро убедился. Под предлогом срочных работ в фотолаборатории я скрывался от уроков физкультуры, рисования и естествознания. Когда все занимались пробежками и кроссом, я с серьезной миной на лице стоял на финише и фотографировал.

Лето я проводил на даче у матери отца – бабы Домны До войны в ее деревне вблизи Смоленска было пятьдесят изб. Из них уцелело только шесть. Остальные немцы подожгли перед отступлением. Несмотря на этот прискорбный факт, к моему удивлению, баба Домна всегда говорила с уважением об оккупантах, прожив с ними под одной крышей более двух лет. Немцы разбили в избе лазарет и операционную. Бабуля таскала в дом воду из колодца и разогревала ее на печке. За этот труд немецкий хирург расплачивался с ней продуктами. «Если бы не добрый Фриц, – всегда приговаривала бабушка, – мы умерли б с голоду».

В 1943-м по всему фронту началась большое наступление советских войск и на этой территории пытались окружить немцев. Проходили ожесточенные бои. Деревню, где, кроме лазарета, стоял немецкий штаб, бомбардировали с воздуха наши самолеты. Один осколок попал в ногу моему деду. И опять «из-за доброго Фрица» он поправился. Моя родня была хорошего мнения об армии, но проклинала гестапо и СС: те перед отступлением все за собой жгли. Наш

дом уцелел только потому, что в нем до последнего момента проходили операции. У эсэсовцев не хватило время, чтобы его поджечь.

Полтора года до конца школы Толя Яссява нашел мне занятие. Он тогда участвовал в оперативном комсомольском отряде, предназначенном бороться с малолетними преступниками и хулиганами, и уговорил меня присоединиться к этой группе, настаивая, что ему нужен фотограф.

Судьба шла своим чередом. В этот день началась моя борьба на невидимом фронте.

Если меня не подводит память, комсомольские спецотряды возникли в СССР в связи с проведением Международного фестиваля молодежи и студенчества в Москве в 1957 году. До этого большинство москвичей встречались с иностранцами только на фотографиях или на страницах газет и в кино. Страна Советов давно жила за непроницаемым железным занавесом. В то время неосторожных людей, осмеливавшихся получать почту из заграницы, арестовывали или даже расстреливали.

Идея подать заявку на проведение международного фестиваля возникла годом раньше на XX съезде КПСС, когда Никита Хрущев впервые заговорил о преступном режиме Сталина, будучи заинтересованным в улучшения имиджа большевизма в глазах западной общественности. Можно себе только представить, какую панику это заявление вызвало у функционеров, которым полагалось внимательно следить за проведением фестиваля. Особенно это касалось сотрудников органов безопасности. До сих пор они вели слежку за каждым (!) иностранцем в отдельности, а сейчас Москва ждала тысячи гостей со всего света. Как отличить, кто из них работает на спецслужбы? Как организовать наблюдение? Как предупредить нежелательные контакты с москвичами?

Даже в случае, если столичные органы получают поддержку нестоличных оперативных сотрудников, это не позволит уследить за всеми. К тому же Хрущев приказал органам работать ненавязчиво, не бросаясь в глаза гостям, «выказывая истинно русское гостеприимство».

Коротко говоря, печально известным своей жестокостью сотрудникам Лубянки на площади Дзержинского пришлось «сварганить» что-то новенькое. Тут кто-то и предложил: почему бы не задействовать помощниками в фестивале московскую молодежь, т. е. советских студентов, учеников и молодых рабочих? Привлечь следовало самых надежных, поставить им задачу, разбить на спецотряды, а старших подчинить непосредственно КГБ. Пускай веселятся на фестивале, присматривая одновременно за иностранцами, а заподозрив кого-то, немедленно информируют органы.

Эта идея настолько понравилась советскому руководству, что после завершения фестиваля оно распорядилось осуществить московскую модель по всей стране. Запал молодежи искусно использован для того, чтобы очистить всю страну от криминальных элементов. Оперативным комсомольским спецотрядам поручили бороться с хулиганами, черным рынком и проституцией.

Их использовали во время рейдов (для образования котлов) и в качестве хранителей порядка на крупных политических мероприятиях и ежегодных парадах на Красной площади.

Особенно наши органы контролировали крупные города, когда их посещало большое количество иностранцев. В остальное время города подчинялись милиции и уголовным управлениям. Оперативные отряды стали надежным кадровым резервом органов. Чекисты и офицеры милиции спокойно контролировали своих молодых помощников, подбирая лучших для рекомендаций на учебу в соответствующие образовательные заведения КГБ и МВД. Большинство сегодняшних генералов и полковников в своем юношеском запале участвовали в этих оперативных спецотрядах против бандитов и преступников в конце пятидесятых и начале шестидесятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.